

УДК 340.12

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ КАК ИСТОРИЯ ДИСКУРСОВ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2020 г.

П.С. Жданов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

pavelzhdanov@bk.ru

Поступила в редакцию 20.02.2020

Цель работы – общая характеристика актуальных тенденций в области методологии исследования истории политических и правовых идей. Исходным положением является тезис о диалогическом характере подобных исследований и открытости интеллектуального наследия прошлого для переосмысления в условиях новой культурной ситуации. Отмечается, что идеи и понятия не должны наделяться качествами внеисторических сущностей, сохраняющих свой смысл неизменным во все времена, следствием чего становится анахронизм в представлениях о философских воззрениях прошлого. Избежать указанных ошибок позволяет рассмотрение политико-правовых идей и концепций, во-первых, в рамках авторского дискурса, во-вторых, в контексте культуры и мировоззрения эпохи, к которой принадлежал автор текста. Обсуждаются отдельные проблемы применения в исторических исследованиях политико-правовых дискурсов методов структуриализма, герменевтики, семиотики.

Ключевые слова: дискурс, методология, контекст, культура, история идей, ментальность.

История культуры в целом и история идей в частности по природе своей диалогичны. Исследователь, обращаясь к человеческой мысли прошедших эпох, соотносит ее со своим мировосприятием, смотрит на ее через призму того духовного багажа, которым обладает он сам и его современники. Поэтому осмысление прошлого есть в той же мере и самоосмысление. Согласно М.М. Бахтину, «понимающий составляет часть понимаемого высказывания, текста» [1, с. 356], становится участником диалога, обрамляя чужую речь «диалогизирующим контекстом». В любой культуре, во всяком тексте заложены возможности по порождению новых смыслов, которые раскрываются, когда к ним обращается кто-то находящийся в рамках другой культурной среды. Смысл, рожденный в прошлом, не может быть стабильным, он обновляется в новом контексте, в диалоге с новыми понимающими субъектами [1, с. 401]. Каждое поколение не только выдвигает свой собственный образ прошлого, но и по-своему формулирует вопросы, обращенные к истории. Соответственно задача самоосмысления культуры, решаемая в историческом познании, через обращение к интеллектуальному наследию прошедших эпох, требует постоянной корректировки научного арсенала. В настоящей статье мы обратимся к ряду проблем методологии исследования в области истории идей, ориентируясь, прежде всего, на историю политических учений и историю философии права.

Начнем мы с вопроса о правомерности наде-ления идей, традиционно представляющихся

основным предметом исследований как истории философии, так и истории политических учений, признаком самостождественности. Способен ли историк воспринимать какую-либо идею так же, как и современники ее автора? Другими словами, являются ли одинаковым образом сформулированные в разные исторические эпохи понятия *одними и теми же* понятиями, с точки зрения вкладываемого в них смысла? Подчеркнем, что вопрос в данном случае состоит не в том, способны ли идеи или политические концепции с течением времени менять *изначально заложенное* в них объективное содержание. Речь идет именно о *восприятии* идей, их смысла представителями разных культур. Вместе с тем уместно также задать вопрос: возможно ли объективное существование идей вне такого восприятия?

Представляется, что положительный ответ на вопрос о возможности сохранения идей равными самим себе в условиях непрестанно меняющейся реальности можно дать, лишь исходя из философского мировоззрения, которое основано на представлениях о существовании духовной основы мироздания и культуре как произведении эволюционирующего, но единого в своей духовной субстанции человечества. Наиболее ярким примером таких мировоззренческих установок является гегелевская философия. История для Гегеля – это материал, в котором воплощается образ самопознающего Духа. Она телеологизируется и подчиняется логическим принципам. Внутренними закономер-

стями характеризуется у Гегеля и история идей, которая поэтому превращается в непрерывную цепь диалектического развития. Примечательно, что у последователей немецкого философа, в частности у Б.Н. Чичерина, такой подход зачастую выражался в тенденции к сведению всего многообразия поисков в истории человеческой мысли к простому схематизму ряда повторяющихся мотивов, постепенно раскрывающих те или иные аспекты идеи (например, идеи государства) [2, с. 29].

Однако то, что может быть расценено как органичный продукт гегелевского панлогизма, вызывает удивление, будучи высказано исследователями, всячески дистанцирующимися от Гегеля и его типа мышления. Примером тому могут быть гневные выпады К. Поппера в отношении Платона, который, в его представлении, первым сформулировал идеи, ставшие основой традиции тоталитарного мышления. Стоит ли говорить о том, что моральное осуждение древнегреческого мыслителя с позиций печального опыта XX века выглядит как типичный анахронизм? Показательным моментом здесь является убежденность в том, что все «враги открытого общества» от Платона до Гегеля и Маркса были носителями одного типа мировоззрения и высказывали если не одни и те же, то существенно схожие идеи.

Может показаться, что действенной альтернативой подобного рода насилию над историческим материалом может быть поиск объективных оснований идей и концепций определенной исторической эпохи в социально-экономических, материальных отношениях, которые развиваются по четко формулируемым законам и порождают конкретный тип культуры в качестве совокупности «надстроечных» явлений.

Однако ценой обретения «объективного» взгляда на идеологическую сферу человеческого бытия становится отказ от рассмотрения культурных явлений в качестве чего-то самобытного по отношению к явлениям социально-экономическим, редукция духовного к материальному. Маркс и Энгельс выражают это вполне отчетливо: «Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений» [3, с. 39]. Самостоятельность всех видов «идеологии» – морали, религии, метафизики и т.д. – не более чем иллюзия. Они, таким образом, не могут иметь и собственной истории.

С другой стороны, уже М. Вебер показал возможность анализа «обратной каузальной связи», которая существует между психологией, мировоззрением людей и экономическими отношениями [4, с. 15]. Заблуждением была бы

абсолютизация рассмотрения истории только лишь под одним каким-нибудь углом зрения, т.к. такой взгляд не дает полной панорамы историко-культурной действительности.

Так или иначе, контрпродуктивным в равной мере является как представление идей в виде неких самодовлеющих сущностей, развивающихся по своим внутренним законам, так и подмена рассмотрения духовных образований исследованием вызвавших их к жизни материальных отношений. Рассуждения авторов – это не просто материал, из которого нужно дистиллировать абстракцию «идей» или «классового сознания». Любое зафиксированное и сохранившееся высказывание, разработанная концепция – это формы выражения мыслей конкретных людей, представителей определенной культуры и носителей мировоззрения определенной эпохи. При этом зачастую исторический и культурный разрыв между исследователем и рассматриваемым им материалом весьма существенен и не может быть преодолен только лишь путем реконструкции его социально-экономической подоплеки. Следовательно, восприятие политических учений прошлого не может быть непосредственным. Их адекватное понимание, или, по крайней мере, приближение к такому пониманию, возможно только при рассмотрении их содержания в комплексе со всеми имеющимися в распоряжении исследователя знаниями об исторических условиях, в которых могли родиться конкретные идеи и концепции.

Понятно, что в таком прочтении «история идей» превращается скорее в «интеллектуальную историю» или «историю дискурсов», тесно соприкасающуюся с «историей мировоззрения». Философские (политические, юридические) понятия, идеи – это то, что формулируется в рамках авторских высказываний и не может быть просто вычленено из своего речевого контекста. Но также невозможно обособленное понимание «идей» без учета мировоззренческой среды, в которой она сформировалась. Изучение истории философских или политических учений – это, прежде всего, исследование текстов, сохранивших речь мыслителей, прочтение и понимание их в качестве части культурного мира, на языке которого автор выражал свои мысли. Важнейшей исследовательской задачей становится анализ языка дискурсивных практик. Остановимся на нескольких примерах исследований в этой области.

Масштабное исследование истории политического языка в его соотношении с историей мировоззрения было предпринято немецкими учеными под общим руководством Р. Козеллека в 70-х – 90-х годах прошлого века в рамках составления «Словаря основных исторических

понятий». Авторы статей «Словаря» сосредоточились на описании исторической трансформации базовых понятий политического языка, таких как «публичность», «политика», «гражданское общество» и др., в период Нового времени. Исходной установкой исследователей была трактовка понятий как «индикаторов и движущих сил происходящих в обществе исторических процессов» [5, с. 6]. Понятия, используемые в политическом языке эпохи, являются важнейшими показателями «самопонимания» и «миропонимания» людей данного времени. С другой стороны, язык, на котором говорят члены общества, набор понятий, используемых для описания окружающей реальности, во многом определяет их мышление. Трансформация понятий – показатель изменения общественного сознания и одновременно один из факторов его изменения.

Следует отметить, что политический дискурс сам по себе, с его внутренними закономерностями, не становится самостоятельным предметом анализа для немецких ученых. Рамки, налагаемые спецификой словаря, в котором описываются отдельные понятия, не позволяют достаточно полно представить многообразные связи, объединяющие их в системе дискурса, дать полное описание мировоззренческому контексту, охватывающему не только политические явления, но и самые разнообразные пласты культуры.

В отличие от Козеллека и его единомышленников, представители т.н. Кембриджской школы изучения политических языков, основоположниками которой считаются К. Скиннер и Дж. Покок, сосредоточили свое внимание не на отдельных понятиях политического языка, а на самом языке в его историческом бытии, т.е. на той сфере, где языковые нормы реализуются в конкретных речевых актах. Покок так выражает свою главную исследовательскую установку: «История политической мысли становится историей речи и дискурса, историей взаимодействия *langue* и *parole*; при этом собственно гипотеза заключается не в том, что история политической мысли – это история дискурса, а в том, что у нее есть история именно благодаря тому, что она становится дискурсом» [6, с. 147].

Принципиальное значение приобретает в этой связи контекст, в котором реализуется речевой акт. Под контекстом понимается, прежде всего, «полемика языковая ситуация» [7, с. 24]. Сам же язык, точнее «политический язык», – это, по выражению Покока, «парадигматическая структура», совокупность принятых в политической философии конкретного исторического периода стандартных риторических

форм, смысловых клише, нормативов. Язык – «это не только предписанный способ говорения, но и предписанный предмет обсуждения для политической речи» [6, с. 157].

Скиннер, в свою очередь, уточняет, что задачей исследователя является выяснить, что в данном контексте мог сказать автор [8, с. 109], на какие вопросы он отвечал, в рамках какой полемики выражал свою позицию, каковы были его намерения. Вместе с тем Скиннер скептически относится к возможности четкого определения характера того воздействия, который оказывают на политический дискурс разного рода внешние факторы, к возможности «связать социальный и языковой контексты» [7, с. 25]. Он сосредотачивается на изучении дискурса в его коммуникативном (полемика) и лингвистическом аспектах. За пределами исследования оказываются не только социально-экономические процессы, но и широкий спектр культурных явлений, налагающих свой отпечаток на мировоззрение автора.

Своеобразный подход к исследованиям в области интеллектуальной истории был разработан М. Фуко. В программной работе «Слова и вещи» Фуко, как указывает во вступительной статье к русскому переводу этой книги Н. Автономова, обращается не к исследованию идей самих по себе, но к выявлению мыслительных структур, которыми в конкретный период определяется внутреннее родство между господствующими мнениями, концепциями [9, с. 11]. Для обозначения указанных структур философ использует термин «эпистема» или «эпистемологическое поле». Речь идет о выявлении «пространства порядка», в соответствии с которым конструируется знание, об «историческом *a priori*», в рамках которого могли сформироваться те или иные идеи [9, с. 34].

Предупреждая возможность возникновения соблазна рассматривать эпистемы в качестве своеобразных мировоззренческих парадигм, отсылающих к «духу эпохи», Фуко отказывается от распространения закономерностей, которые были выявлены им в рамках исследования конкретных типов дискурса, на другие культурные области [10, с. 288]. Археологическое исследование дискурсивных практик, к которому обращается Фуко, по его убеждению, не должно смешиваться с историей ментальностей, имея свой строго очерченный предмет. Дискурс не может рассматриваться как симптом или знак чего-то другого, каких-то культурных или мировоззренческих процессов, стоящих за ним [10, с. 255]. Правила, формирующие характер дискурса, «находятся не в «ментальности» и не в сознании индивидов, а в самом дискурсе» [10,

с. 132]. Субъект с его мировоззренческим багажом выносится за скобки исследования.

Итак, в рамках перечисленных нами подходов к исследованиям в области интеллектуальной истории последняя рассматривается через призму истории языка и дискурсивных практик. Подход авторов статей «Словаря» предполагает сосредоточение на изменениях семантики отдельных политических концептов. Подход представителей Кембриджской школы, хотя и связан с исследованием политических дискурсов, а следовательно, имеет больше возможностей для соотнесения речевых актов с историческим контекстом, тем не менее ограничивает этот контекст лишь сферой политической полемики, отказываясь от более широких культурных обобщений. В отличие от Кембриджской школы, Фуко обращается не к риторическим и полемическим контекстам, а к внутренним свойствам дискурса, в которых он усматривает специфические ментальные структуры, задающие характер дискурсивных практик. При этом философ стремится избежать превращения анализа дискурсов в анализ мировоззренческих оснований культуры. Тем не менее именно работы Фуко дают понять, что историческое исследование дискурса неразрывно связано с вскрытием его глубинных мировоззренческих предпосылок, культурного кода, дающего ключ к языку отдельных сфер культуры.

Необходимый масштаб для интерпретации политических идей или концепций может дать только культура соответствующего исторического отрезка как духовно-материальная тотальность, включающая в себя и политическую, и хозяйственную, и юридическую, и идеологическую, и прочие сферы жизни общества. В качестве примера такого понимания культуры сошлемся на работы П.А. Сорокина, и в частности на его «Социальную и культурную динамику». Перечисляя различные типы интеграции культурных элементов, исследователь особенно выделяет логико-смысловое единство, определяющее внутреннее родство различных явлений культуры. Познание этой внутренней связи, основного принципа, который, пронизывая все компоненты культуры, объединяет их в упорядоченный космос [11, с. 44], составляет суть «логико-смыслового метода», с точки зрения Сорокина, наиболее плодотворного для изучения культуры.

Различая в культуре внутренние и внешние аспекты, Сорокин в число первых включает то, что «относится к сфере внутреннего опыта, существующего либо в виде хаотических и бессвязных образов, идей, стремлений, ощущений и эмоций, либо в виде упорядоченных систем

мышления, сотканных из этих элементов внутреннего опыта» [11, с. 49]. Вторая сфера – это материальные и событийные аспекты культуры, в которые «облекается внутренний опыт». Для внутренних аспектов культурной жизни Сорокин использует обозначение «ментальность культуры», настаивая на том, что именно они должны быть на первом месте для исследователя. Природа любой культуры, по его словам, определяется именно ее ментальностью [11, с. 54].

Для целей исследований в области интеллектуальной истории концепция Сорокина дает необходимую синтезирующую модель культуры. Однако принятие конкретно-исторического культурного континуума в качестве общего контекста для изучения дискурсивных практик ставит ряд дальнейших вопросов, связанных с отношениями между культурой как целым и отдельными проявлениями человеческой деятельности как его элементами. В этой связи полезным может быть обращение к опыту внедрения методов герменевтики в исследование культуры, предпринятому на рубеже XIX–XX веков В. Дильтеем и развитому в дальнейшем целым рядом авторов. Понимание культурных явлений, согласно этому подходу, основывается на соотнесении части и целого. Таким образом можно истолковывать, например, различные формы организации общественной жизни людей, в которых «общий дух» и «единая форма жизни» выражаются в структурной взаимосвязи элементов, «отдельные части получают свое значение от целого, а целое – свой смысл от частей» [12, с. 316]. Постижение целого, присутствующего в частном в качестве общего внутреннего смысла отдельных культурных фактов, порождает возможность при изучении культурных явлений выводить их закономерности не просто из ряда повторяющихся случаев, а непосредственно «из их структуры, системной организации, соединяющих случаи как части в одно целое» [12, с. 268].

Примером сложного комплекса элементов, в котором совокупность жизнепроявлений характеризуется внутренней общностью, является историческая эпоха. Каждая историческая эпоха, по Дильтею, «центрирована в себе». Для описания внутреннего настроения, характера людей одного исторического периода Дильтей использует понятие, родственное уже упомянутому понятию «ментальности», – понятие «горизонта жизни». Последний он характеризует как «ограничение мышления, чувства и воли, которым живут люди одного времени». По его словам, «это ограничение включает в себя взаимоотношение жизни, жизнеотношений, жизненного опыта и умственного склада, которое удерживает

живает и связывает индивидов в одном определенном круге модификаций постижения, формирования ценностей и целеполагания» [12, с. 225]. Исследование культуры, по Дильтею, предполагает познание единства «определения ценности и целевой ориентации» в различных «жизнепроявлениях».

Культура, рассмотренная в соответствии с таким подходом, выступает не просто средой, в которой существуют идеи или разворачиваются дискурсивные акты, а, скорее, системой принципов, имманентных всем явлениям в рамках данного социально-исторического пространства. Речь идет об общем для всех индивидов, которых можно отнести к носителям данной культуры, внутреннем настрое, об их общей картине мира, системе ценностей. Поэтому задача прояснения специфики политического дискурса в общекультурном контексте должна решаться, прежде всего, путем сопоставления его с ментальностью культуры. Материалом для исследования последней могут служить не только факты, связанные с политической или правовой сферами, но и примеры из области искусства, литературы, характерной для рассматриваемой эпохи методологии естественнонаучного и гуманитарного познания, одним словом, все, что может стать основой для понимания мировоззрения людей, включенных в дискурсивные практики.

Очевидно, что категория «ментальности» имеет принципиальное значение для построения целостного образа культуры и соотнесения его с отдельными сферами человеческой деятельности. В частности, для основоположников такой влиятельной школы исторических исследований, как школа «Анналов», Л. Февра и М. Блока, ментальность людей определенной эпохи, предшествующая любым проявлениям осознанной идеологии, была ключом к пониманию конкретно-исторического типа культуры. Вместе с тем историк, использующий эту категорию, попадает в область сопредельных гуманитарных наук и должен задействовать междисциплинарные подходы. Исследования духовных структур, объединяющих людей в рамках одного культурного пространства, велись в рамках самых разных дисциплин от антропологии и этнологии до этнической психологии и лингвистики.

В России одним из первых исследователей в этой области был Г. Шпет. Методологию этнической психологии он сближает с герменевтикой, говоря о том, что ее задачей является интерпретация систем знаков, в которых выражается дух народа, причем в качестве таких систем могут выступать язык, мифология, нравы и, наряду с ними, – науки, искусство, религия,

профессии [13, с. 514–515] и т.д. «Дух народа» он понимает в психологическом смысле как совокупность характерных черт поведения и мировосприятия народа, как «типическое» в коллективных переживаниях людей. Особое значение для этнической психологии имеет изучение языка, т.к. все знаковые системы, дающие материал для понимания духовных оснований культуры, строятся по его образцу. Язык – естественный прототип «всякого выражения, прикрывающего собою значение», поэтому закономерности его построения и функционирования могут быть перенесены и на другие формы выражения [13, с. 515].

Таким образом, обсуждение проблем ментальности вполне закономерно приводит к вопросу о языке как непосредственном ее выражении. Лингвистический поворот в науках о человеке прошлого века не просто расширил сферу применения методологии языкознания на другие гуманитарные дисциплины, но способствовал и новому пониманию самого языка. В качестве термина, обозначающего любые упорядоченные знаковые системы, которые служат для выражения и трансляции смысловых содержаний, понятие «языка» приобрело более универсальное значение. Через это понятие в исследование общественного мировоззрения и дискурсивных практик вводится представление об исторически стабильных структурах, формирующих сознание индивидов.

В работе о Франсуа Рабле М.М. Бахтин утверждает, что разные языки – это, прежде всего, мировоззрения, «притом не отвлеченные, а конкретные, социальные, пронизанные системой оценок, неотделимые от жизненной практики и классовой борьбы» [14, с. 610]. Аналогичное утверждение мы находим у Гадамера, по словам которого, язык – это «способ миростолкования, предпосланный любому акту рефлексии», а «мышление движется в колее, пролагаемой языком» [15, с. 24]. Правильная интерпретация понятия предполагает не просто определение его места в системе языка, но также и «отыскание» самого языка, понятийного пространства, в котором данная постановка вопроса становится возможной [16, с. 34]. Язык в данном случае перестает быть только лишь средством выражения смысла и превращается в способ рассмотрения реальности. Он непосредственно связывается с ментальными структурами людей определенной эпохи.

Задача исследования устойчивых мировоззренческих конструкций, направляющих дискурсивные практики, требует специальных приемов, в связи с чем необходимо упомянуть методологию структурализма, активно развивав-

шуюся с середины прошлого века. Начало широкому применению структурной методологии в антропологических исследованиях было положено работами К. Леви-Стросса. Исходным пунктом его размышлений был уже знакомый нам тезис о том, что в основе каждого социального установления или обычая лежит бессознательная структура, выявление которой позволит получить «принцип истолкования», применимый ко всем культурным явлениям [17, с. 28].

Образцом для анализа явлений культуры становится язык, что обуславливает возможность применения в сфере антропологических исследований методов, заимствованных из лингвистики. Язык может рассматриваться как основа для установления других социальных структур, сходного с ним типа. При этом понятие социальной структуры обозначает не эмпирическую реальность, а модель, построенную на ее основе. Эта модель описывает порядок связей в рамках совокупности каких-либо социальных явлений, который, как правило, не сознается самими членами общества, но поддается описанию сторонним наблюдателем.

Структурная антропология стремится к тому, чтобы представить жизнь социума в качестве единой системы, все аспекты которой взаимосвязаны. Поэтому выявление общей формы различных проявлений жизни людей в данном социуме обуславливает возможность из характера структурных связей в рамках определенной группы социальных явлений делать выводы о характере связей в других областях. В частности, если можно говорить об определенном языке культуры, о некоей модели, в соответствии с которой в данном обществе выстраивается система явлений в области религии, искусства, науки, то и порядок политического дискурса, по всей видимости, должен подчиняться тем же закономерностям.

Следует отметить, что сама по себе методология структурализма ориентирована, скорее, на синхроническое описание систем, т.к. акцентирует устойчивое и общее в них. Структурный анализ имеет дело с уже сформированной совокупностью элементов, которая рассматривается им как застывшая реальность. Как указывал П. Рикер, структурализм, исключая из своего исследовательского поля «акт изречения», одновременно отказывается и от истории, игнорирует процессы становления человека и культуры [18, с. 141]. В противоположность языковым структурам, дискурс всегда предполагает речевой акт как событие. Слова, будучи языковыми единицами, могут иметь разные значения, которые определяются только в конкретном дискурсивном контексте. В методологическом плане

это означает, что сформированные в процессе исследования структурные модели представляют собой внеисторические абстракции, которые не должны рассматриваться в отрыве от дискурсивных актов, каждый из которых одновременно и реализует языковую модель, и привносит в нее что-то новое и индивидуальное, «оживляя» структуру.

Представляется, что проблема взаимоотношений между мировоззренческими структурами, с одной стороны, и дискурсивными практиками, реализующимися в рамках этих структур, с другой, требует задействования более гибких подходов к исследованию знаковых систем культуры. Задача заключается в том, чтобы не просто показать культуру как структурированное знаковое пространство, а в том, чтобы рассмотреть ее как живую систему, способную к генерации новых смыслов и коммуникативных актов.

Большой интерес в свете указанных задач представляют исследования культуры, которые осуществлялись московско-тартуской семиотической школой. Ее виднейший представитель, Ю.М. Лотман, в духе структурализма определяет культуру как знаковую систему, определенным образом организованную [19, с. 396]. В этом смысле она представляет собой язык «в общесемиотическом значении этого термина». Вместе с тем в рамках одной культуры сосуществуют и взаимодействуют несколько языковых систем, причем каждый из языков может функционировать только во взаимодействии с семиотическим пространством. Таким образом, культура представляется «неразложимо-единой минимальной работающей семиотической структурой» или «семиосферой» [20, с. 151]. Она же является и «мыслящей структурой», способной передавать информацию, создавать новую, хранить и воспроизводить старую. Культура, «надстраиваясь» над естественным языком, от него получает свою структуру. В то же время она и сама по себе является структурирующим фактором, т.к. формирует сознание индивидов, их определенное мировидение. В целом же культура представляет собой сочетание стабильного и изменчивого, норм и инноваций.

В качестве знаковой системы культура задает определенный порядок выражения любых смысловых содержаний, любого жизненного опыта. Соответственно, ее можно было бы обозначить как механизм, создающий совокупность текстов, которые являются реализацией культуры [21, с. 492]. В свою очередь, текст не замыкается на себе, на сообщении, которое он в себе несет, он «не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти», обладая «способностью сохранять память о своих пред-

шествующих контекстах» [20, с. 162]. Его собственной памятью является сумма контекстов, в которых он выступал и выступает в качестве осмысленного. Ключом к языку текста является язык культуры, породившей его. В то же время исследователь идей, выраженных в авторском тексте, не может абстрагироваться от культурных контекстов, через которые прошло рассматриваемое произведение. Он пребывает в рамках сложившейся традиции его интерпретации, воспринимает его через призму опыта прошлых прочтений и при этом читает его с позиций своей культурной среды и своего мировоззрения. Это неизбежно, и, как указывалось выше, во многом определяет ценность новых прочтений. Вместе с тем, расширяя свои знания о языке культуры и ментальности эпохи создания текста, можно добиваться более точного восприятия смысла, который стремился донести автор.

Проводя этот обзор методологических подходов к исследованиям в области интеллектуальной истории, истории идей и истории дискурсов, мы не стремились показать борьбу концепций и школ. Нашей задачей, скорее, было продемонстрировать наиболее значимые тенденции в этой области, постепенно формировавшиеся на протяжении прошлого столетия и отражавшие общее направление развития наук о человеке и культуре на современном этапе. При этом следует отметить, что методологические инновации, активно внедрявшиеся в целом ряде отраслей исторической науки и антропологии, сравнительно мало затронули историю политических и правовых учений. Быть может, это отчасти связано с необходимостью размытия междисциплинарных границ и введения в область историко-юридических и историко-политических исследований наработок других наук, что предъявляет в свою очередь совершенно другие требования к самому исследователю. Однако только таким образом, на наш взгляд, сегодня возможно продвижение вперед в этой области. Исследуя политический и философско-правовой дискурс в контексте породившей его культуры, мы избегаем анахронизма в понимании авторских идей. Перед нами открываются возможности по налаживанию диалога с прошлым, которое мы не пытаемся сконструировать по своему образу и подобию, но которое стремимся понять в его своеобразии, одновременно углубляя понимание самих себя и своего времени.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Избран-

ное. Том I: Автор и герой в эстетическом событии / Сост. Н.К. Бонеевская. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 337–363.

2. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 720 с.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах, противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 4–76.

4. Вебер М. Предварительные замечания // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 7–17.

5. Зарецкий К., Левинсон И., Ширле М. Предисловие // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи. В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 5–23.

6. Покок Д.Г.А. The state of the art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 142–188.

7. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–50.

8. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.

9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.

10. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012. 416 с.

11. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017. 964 с.

12. Дильтей В. Собрание сочинений. В 6 т. / Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.

13. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 475–574.

14. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.

15. Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 16–25.

16. Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 26–42.

17. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

18. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

19. Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 392–461.

20. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 150–391.

21. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 485–503.

**THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES
AS THE HISTORY OF DISCOURSES: PROBLEMS OF METHODOLOGY**

P.S. Zhdanov

The purpose of this work is a general description of current trends in the research methodology of the history of political and legal ideas. The starting point is the thesis about dialogical nature of such research and openness of intellectual heritage of the past to rethinking in a new cultural situation. It is noted that the ideas are not to be regarded as the timeless substances, which keep their meaning unchanged. The consequence of such understanding of ideas is anachronism in relation to philosophical views of the past. To avoid such mistakes, political and legal ideas and concepts should be considered, firstly, within the author's discourse, and secondly, in the context of culture and worldview of the epoch to which the author of the text belonged. Some problems of applying methods of structuralism, hermeneutics, semiotics in historical studies of political and legal discourses are discussed.

Keywords: discourse, methodology, context, culture, history of ideas, mentality.

References

1. Bahtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnyh naukah // Izbrannoe. Tom I: Avtor i geroj v esteticheskom sobytii / Sost. N.K. Boneckaya. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. S. 337–363.
2. Chicherin B.N. Istoriya politicheskikh uchenij. T. 1. SPb.: Izd-vo RHGA, 2006. 720 s.
3. Marks K., Engel's F. Fejrbah, protivopozlozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzrenij // Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. T. 1. M.: Politizdat, 1970. S. 4–76.
4. Veber M. Predvaritel'nye zamechaniya // Izbrannoe: Protestantskaya etika i duh kapitalizma. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2012. C. 7–17.
5. Zareckij K., Levinson I., Shirle M. Predislovie // Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat'i. V 2 t. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. S. 5–23.
6. Pokok D.G.A. The state of the art // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii / Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. S. 142–188.
7. Atnashev T., Velizhev M. Kembridzhskaya shkola: istoriya i metod // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. S. 7–50.
8. Skinner K. Znachenie i ponimanie v istorii idej // Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii / Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. S. 53–122.
9. Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk. SPb.: A-cad, 1994. 406 s.
10. Fuko M. Arheologiya znaniya. SPb.: IC «Gumanitarnaya akademiya», 2012. 416 s.
11. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika. M.: Akademicheskij proekt, 2017. 964 s.
12. Dil'tej V. Sobranie sochinenij. V 6 t. / Pod red. A.V. Mihajlova i N.S. Plotnikova. T. 3. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe. M.: Tri kvadrata, 2004. 419 s.
13. Shpet G.G. Vvedenie v etnicheskuyu psihologiyu // Sochineniya. M.: Izd-vo «Pravda», 1989. S. 475–574.
14. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. M.: Eksmo, 2015. 640 s.
15. Gadamer G.-G. Filosofskie osnovaniya XX veka // Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 16–25.
16. Gadamer G.-G. Istoriya ponyatij kak filosofiya // Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 26–42.
17. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. M.: Nauka, 1983. 536 s.
18. Riker P. Konflikt interpretacij. Ocherki o germenевtike. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 695 s.
19. Lotman Yu.M. Stat'i po tipologii kul'tury // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2010. S. 392–461.
20. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2010. S. 150–391.
21. Lotman Yu.M., Uspenskij B.A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury // Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2010. S. 485–503.